

Собрание и арифметикаЕсли вы внушите себе, что вы совершенно не правы, то вы будете правы по сути.

Я растолкал дремлющую Кунагису, заставил её умыться и заплёл ей косы. После этого она, будучи ещё полусонной, направилась со мной в обеденный зал, где уже все собрались.

Круглый стол, два незанятых места.

Я помог Кунагисе сесть и сел рядом с ней. Как только я сел, я быстро осмотрел каждого человека за столом.

Из двенадцати собравшихся здесь человек наиболее привлекающей внимание, — и я не уверен, что это само собой разумеющееся, — была не кто иная, как Акагами Ирия-сан. Понятие красоты совершенно субъективно, отличается от человека к человеку, поэтому было бы бессмысленно говорить, что Ирия-сан была привлекательной. Скажи я, что она привлекательна, то это всего лишь отразило бы лишь мои чувства по этому касательно этого и ничего более. К тому же по этой части горничная Акари-сан была мне гораздо ближе, если затрагивать личные предпочтения. Только вот ничто из этого не имеет никакого значения.

Я не шучу.

Говоря более объективно, Акагами Ирия была элегантной женщиной. Её красивые чёрные волосы были собраны в пучок, дополнявшийся дорогим платьем. На деле это смотрелось несколько несочетаемо, но её чрезмерная элегантность более чем компенсировала это. Казалось, что ей примерно столько же лет, сколько и мне: примерно двадцать лет, — но воспитание и родословная действительно влияют на людей, чёрт возьми. Конечно, другие факторы тоже есть и всегда были, но те показатели определённо важны. Так было всегда.

Акагами Ирия.

Внучка паршивой овцы из фонда Акагами.

— Что ж, — она сложила свои руки вместе, как маленький ребёнок, — раз уж Кунагиса-сан здесь, то давайте начнём лучшую часть дня? Перекусите. — Мне казалось, что в эмоциональном плане она была довольно незрелой. Наверно, можно с уверенностью сказать, что она была не самым мирским человеком, но, может быть, она не воспринимает это как нечто плохое.

Так уж вышло, что на этом острове, на котором людям по большей части разрешали делать всё, что им вздумается, было одно правило: «Мы ужинаем вместе.» Это простое правило, которое не должно было быть лишком сложным для всех, но некоторые так называемые гении всё-таки смогли нарушить его, за что их в итоге сослали с острова. Между гением и непорядочным человеком много общего.

Ирия-сан села между двумя горничными. Слева от неё сидели Теруко-сан и Рей-сан, а справа — Акари-сан и Хикари-сан. Отличить Акари-сан от Хикари-сан было невозможно, поэтому я не мог сказать, кто из них на каком месте сидел. Гипотетически кто-нибудь смог бы отличить их по чертам лица, жестам и прочему, но для ненаблюдательного человека вроде меня это была настоящим испытанием. Кунагиса вроде смогла отличить их (что не удивляло, ибо это всё-таки Кунагиса), но во время разговора она не особо понимала, кем является Ирия-сан. Как и остальные.

— А теперь прошу всех поднять свои бокалы... За ваше здоровье! — сказала она так, будто напевала, высоко подняв бокал. Все остальные, включая меня, сделали то же самое. Но стоило бы упомянуть, что мой бокал и бокал Кунагисы были наполнены соком, а не вином.

В конце концов, мы были несовершеннолетними.

Несколько прекрасно сервированных блюд были на столе. То были гордые шедевры неординарного шефа Сашироно Яёи. Начну с блюда, которое стояло ближе всего ко всему, и назову их всех в таком порядке:

Жаркое из ягнёнка «Корона», сладкий картофельный суп на основе капучино, террин из фуа-гра с трюфельными клёцками, голубые мидии на пару, бельгийский угорь в зелёном соусе, приготовленный на медленном огне, маринованная сельдь, сашими из китового мяса, равиоли под соусом, карпаччо из страусиного мяса, фруктовый салат, картофельный салат с яйцом и, наконец-то, жареные грибы в масле.

Да, я понятия не имел об этих блюдах.

Наверно, в силу того, что Яёи-сан приготовила каждое блюдо с целью угодить вкусам каждого гостя, я не понимал, что я ел, даже после того, как услышал их названия. Но это было ни к селу ни к городу. Будто ни одно из названий не влияло на само блюдо.

Мне так кажется.

После всего этого сказали, что ещё будет десерт. Если задуматься, то здесь уже было очень много еды, а поскольку Яёи была кулинарным маэстро, то еда была настолько вкусной, что я почти полностью перестал следить за своим весом. Яёи-сан определённо учла это в своей готовке.

— Даже после учёта питательной ценности это потрясает. Она действительно гений, — пробормотал я себе под нос больше, чем два раза.

Кстати говоря, я поговорил немного с Яёи-сан во время обеда. Так уж получилось, что она была единственным человеком рядом в момент, когда я пошёл в обеденный зал, поэтому я воспользовался возможностью спросить её касательно известных слухов о ней.

Другими словами, какая секретная сила позволяла ей приготовить любое блюдо лучше, чем другие шефы?

Я задал именно этот вопрос.

Услышав его, Яёи-сан любопытно ухмыльнулась:

— Боюсь, реальность немного не сходится с вымыслом. В отличие от Химены-сан, у меня нет каких-либо суперсил. В целом это всего лишь старания и дисциплина.

— Правда?

— Ну, полагаю, я могу представить, что могло положить начало такому слуху. Мои чувства вкуса и запаха немного, точнее, гораздо сильнее, чем у обычного человека. — Она высунула язык. — В качестве анекдотичного примера приведу Хелен Келлер: она была слепой, но люди при этом рассказывали, что она может отличать людей всего лишь по запаху. Я в чём-то похожа на неё. Моё обоняние не настолько удивительное, но, например...

Она взяла мою руку и без предупреждения облизала мою ладонь. Я ни за что не смог бы представить, что всё обернётся именно так, и я даже чуть не взвизгнул. Я смог подавить визг.

Всё ещё с высунутым языком она продолжила:

— У тебя четвёртая группа крови? Отрицательная, так?

Услышав это, я понял, что она права. Однажды доктор общественного здоровья сказал мне: «У тебя невероятно редкая группа крови.» Так что Яёи-сан была определённо права, однако...

— Ты действительно можешь рассказать всё это, просто облизав мою кожу?

— Точнее, твой пот. Мой язык может распознать примерно двадцать тысяч вкусов, подразделяя их по двадцати уровням интенсивности. Моё обоняние, возможно, в два раза лучше работает.

— Она задумчиво наклонила свою голову. Милая манерность. — Я не такая умная, как Сонояма-сан, я ужасна в живописи, в отличие от Ибуки-сан, я не настолько хорошо разбираюсь в технике, как Кунагиса-сан, у меня определённо нет никаких особых сил, как у Химены-сан, и я мало в чём ещё хороша. У меня с детства был только этот дар. Я осознала, что я смогу воспользоваться им, только став шеф-поваром.

Идеальный вкус, так его называют.

Он как вкусовая версия идеального слуха, только вот идеальный вкус не относится к вещам, которых можно добиться путём тренировок. Другими словами, Сашироно Яёи-сан была, по правде говоря, одной из везучего меньшинства избранных Богом. Среди весьма умелых людей выделяются два типа: те, кого избрали, и те, которые ищут себя, — те, кто родился с чем-то, и те, кто трудится ради чего-то. Конечно, Яёи-сан имела «дисциплину и труд», но она явно относилась к людям первого типа.

Так что путь шефа не была действительно чем-то, что выбрала именно она. Она родилась с этим даром и по этой причине стала постигать гастрономию и отправилась на запад оттачивать свои таланты до больших пределов.

Идея вкуса в конечном итоге проистекает из способности индивида судить о вкусе. Насколько хорошо человек может использовать запахи так, будто они ими владели, — всё это по большей части связано со способностью человека готовить, что хорошо отражалось в еде Яёи-сан.

Ну, это порезанная логика данного вопроса, но в ней особо много практического смысла. Излагая более полно, еда Яёи-сан была чертовски хорошей.

Если представить круглый стол как часы с Ирией-сан, сидящей на отметке в двенадцать часов, то выходит, что Сашироно Яёи-сан сидела на трёх часах рядом с Теруко-сан и Рей-сан.

На четырёх часах сидел Сакаки Синья-сан. Как вы и могли ожидать от человека, находящегося в течение продолжительного времени в должности опекуна Канами-сан, внешне он не выказывал никакого испуга и держался весьма статно.

На шести часах сидела Кунагиса. Это означало, что она сидела прямо напротив госпожи дома, Акагами Ирии-сан. Этого было более чем достаточно, чтобы заставить меня нервничать, но это было не особо важно; для Кунагисы слово «нервничать» даже не существовало в японском языке.

А на счастливом седьмом месте сидел я.

Следом за мной сидела Сонояма Аканэ-сан из «Семи глупцов». Она была полностью погружена в поедании блюд Яёи-сан.

Аппетит у неё был гораздо большим, чем можно было представить. Конечно, перед тем как стать учёной она была человеком — неважно, признаёт она это или нет, — и ты не сможешь пожить, если не поешь, но даже при игнорировании этого фактора она была знатным едоком. Даже я почувствовал удовлетворение от созерцания того, как она ест. Мне казалось, что Яёи-сан должна была очень сильно гордиться тем, что Аканэ-сан поедала её еду с таким наслаждением.

Рядом с Аканэ-сан на девяти часах сидела профессиональная прорицательница, обладающая экстрасенсорными способностями, Химена Маки-сан. В какой-то момент она переоделась и теперь выглядела совершенно иначе, чем сегодня утром. Она носила укороченные штаны с рисунком овец и розовый кардиган, под ним — полосатая майка с американской проймой. Её волосы были заплетены в двойные хвостики. Наверно, из-за того, что она заметила меня, смотрящего на неё, она взглянула на меня в ответ с необычайно неприятной ухмылкой, а затем вонзила свои зубы в жареного ягнёнка. То было выражение, означавшее: «Я знаю всё, но ничего не говорю,» — и это меня напрягало.

И это всё не заканчивается.

На десятом и одиннадцатом часах сидели Акари-сан и Хикари-сан. Торуко-сан не издавала ни звука и большую часть времени не выражала никаких эмоций. Она просто ела так, будто этот процесс был механическим. Для кого-то, кто ел без какой-либо реакции, это заставляло задуматься, чувствует ли она вкус вообще. Перед лицом юности трёх сестёр Рей-сан, наоборот, выглядела как зрелая, деловая женщина. Я не слышал, чтобы она много говорила, но, судя по её внешнему виду, она казалась строгой, и я уже несколько раз слышал слезливые истории Хикари-сан, подтверждающие это.

Вот, собственно, и все. Все двенадцать человек.

Счастливое число?

С таким лицом?

Всего лишь очередной бубнёж. Какой смысл может быть в таких суждениях? Было очевидно, что я здесь выделяюсь. Меня можно было бы даже назвать белой вороной. Опять же никогда не было хотя бы одного места, в котором я бы не выделялся: ни в Кобе, ни в Хьюстоне, ни в Киото, ни даже на этом острове.

Во всём этом мире есть только я один.

Ну да ладно.

Мне нравится одиночество.

Никакой лжи.

Даже если бы это было ложью.

— Кстати, если вы позволите мне сменить тему разговора... — сказала Ирия-сан, пресекая разговоры на свои темы, которые она обдумывала до этого момента. Сила управлять направлением разговором за столом была сосредоточена исключительно в руках Ирии-сан. Это была эгоистичная привилегия, присущая девушке из высшего общества.

Она продолжила, повысив голос:

— Кажется, здесь уже ходят слухи, поэтому я сделаю объявление. Оно касается нового гостя. Последнего гения, украсившему этот дом.

Все глаза устремились на Ирию-сан. Точнее, на неё смотрели все, кроме Кунагисы, продолжавшей жевать китовое мясо. Намеренно попытаться привлечь внимание этой девушки было весьма сложной задачей.

— Мне хотелось бы подчеркнуть, что нам новый гость — носитель такого неординарного, великого таланта, что он даже заслуживает сравнения со всеми вами. Мне очень хочется поприветствовать этого человека, поэтому, прошу, помогите мне. Хорошо?

Каждый отреагировал по-своему. Та часть речи, касавшаяся сравнения со всеми, вроде как встряхнула всех. Пока все пытались сдерживаться, только крайне обычный Синья-сан осмелился высказаться:

— У меня вопрос: так что же этот человек? Я не очень много узнал из слухов, которые мне довелось услышать, но говорят, что он настоящий мастер на все руки. Это так?

— Можно и так сказать. До этого мы встретились лишь однажды, но да, одного раза было достаточно. Этот человек — мой герой, — она посмотрела наверх, задумавшись. — Действительно героическая жизнь, как мне кажется. Словно у детектива из детективного романа или монстра из фильма о монстрах.

Монстр?

Я почувствовал, как мои брови поднялись сами по себе. Ирия-сан только что сделала отсылку к фильмам о монстрах, но было ли это точным описанием этого человека? Обычно для описания человека не такие слова и выражения используют, но, даже если так, это определённо не являлось комплиментом.

— Что-то здесь не чисто. Значит, мы можем ожидать от этого индивида что-нибудь, — с усмешкой сказал Синья-сан. — Я слышал, что он способен на всё... например, прекрасно рисовать или что-то в этом роде?

— Никогда такого не видела, но я не удивилась бы. Думается мне, что нечто настолько простое, как рисование картины, не станет даже испытанием для него.

Как и ожидалось, это задело гордость Канами-сан. Она выглядела немного — я имею ввиду смехотворно, — раздражённой.

— Можем ли мы быть удостоены чести узнать имя этой превосходной особы, Ирия-сан? — спросила Канами-сан. Её тон делал акцент на последних словах.

Я тоже думал об этом сегодня утром, но Канами-сан действительно очень сильно гордилась собой. Не то чтобы это было чем-то плохим, но это и не что-то хорошее. Не мне стоило бы оклеветать Канами-сан за то, какой стиль жизни она избрала, но я, по крайней мере, понимал,

что ни за что не стал бы так жить.

Выражение лица Ирии указывало на то, что она не поняла, почему Канами-сан так разозлилась (в действительности, возможно, оно так и было), а потому она прямо ответила: «Айкава-сан.»

Совершенное ошеломление.

В этот момент Канами-сан казалась одураченной.

— Из-за очень плотного графика Айкава-сан останется здесь лишь на три дня, но всё же прошу вас проявить своё дружелюбие. Айкава-сан для меня многое значит. Можно сказать, мы очень близки.

Щёки Ирии-сан запылали. Наблюдая за её детской манерностью, её аудитория была повергнута в ещё большее недоумение. Казалось, что она была способна выставить любое требование, насколько властной она ни казалась бы при этом, и её всё равно все простили бы. Такой вид у неё был от самой природы.

Видимо, это нужно снова списывать на её происхождение.

— Тем не менее, Айкава...

Даже при учёте своей невежественности я никогда не слышал этого имени. Я оглянулся, чтобы увидеть реакцию Кунагисы, но она всё ещё ела. Так было всегда, когда она была сосредоточена на чём-либо. Более непослушная, чем ребёнок, и при этом с ней тяжелее ладить, чем с животным. Повторюсь, она хотя бы знала, как нужно сидеть на стуле.

— Ох, дожидаться не могу нашей встречи. Одна лишь мысль о том, что Айкава-сан снова придёт, будоражит меня. Я просила об этом так много раз. Это словно сон. А что, если это всё действительно было сном? — сказала она, ошеломлённая. Судя по её текущему состоянию, Ирия-сан, должно быть, была без ума от этой Айкавы. Словно она видела в нём кумира, которого она почитала в течение многих лет.

Она произнесла его имя с большим благоговением.

— Ах, кстати говоря, Кунагиса-сан, — сказала она, сместив разговор в сторону Кунагисы, — ты ведь собиралась покинуть нас раньше времени?

— Хм? О, да-да, — ответила она. При этом она не прекращала двигать палочками, которые она держала в своих руках. Одного лишь факта того, что она держала палочки в разных руках, а не в одной, было достаточно, чтобы сказать, что она не знает, как вести себя за столом. — Ещё четыре дня я проведу здесь.

— Это так печалит меня. Это ведь такая отличная возможность. Мне очень хотелось бы, чтобы ты познакомилась с Айкавой-сан. Неужели нет никакого способа устроить это?

— Боюсь, что нет. Я из тех, кто не сдвигает запланированное на потом. Меня даже прозвали «Ожившим расписанием» за это. Ии-тян, тебя это тоже касается.

«Не втягивай меня в это,» — подумал я. В моём «расписании» прибытие на этот остров не на первом месте стояло.

Ирия кивнула, не скрывая разочарования на своём лице.

— Раз уж так, то скажи мне: может, у тебя не получается хорошо провести время здесь? Не похоже, чтобы ты часто выходила из своей комнаты.

— Я из тех, кто не выходит из своей комнаты слишком часто. Но, хочу уверить вас, мне здесь нравится. Мне очень весело. Я могу повеселиться где угодно, когда угодно и как угодно.

Её слова заставили меня ненадолго застыть. Она ничего не преувеличивала: человек, полностью погружённый в себя, никогда не скучает. А что насчёт всех остальных эмоций? Насколько трагичным должно быть постоянное получение удовольствия независимо от того, где ты находишься? На этот вопрос я уже знал ответ.

— Вот как? — Ирия пожала плечами. — Но, Кунагиса-сан, даже ты, без сомнения, смогла бы что-то извлечь из встречи с Айкавой-сан. Ты несомненно вдохновишься, встретившись с подобным человеком.

Словно дожидаясь нужного момента, в разговор вмешалась Канами-сан:

— Нахождение под влиянием другого человека указывает на собственную посредственность. Собственное бессилие. Это так нелепо. Я не знаю, кем является Айкава как человек, но я искренне сомневаюсь в необходимости этой встречи.

— А это разве факт? — Исполнение роли адвоката дьявола в разговоре с Канами-сан было очевидным выбором для тебя, Сонояма Аканэ. — Я провела несколько лет в окружении лучших умов мира, а потому точно знаю, что я не достигла бы таких высот, если бы я не получила этот опыт. Ты можешь стать лучше, просто проведя время с такими людьми.

— ER3? Что за шутка? Ты, должно быть, глупа. Какая у человека должна быть причина, чтобы он связал себя с такой организацией? — Канами усмехнулась.

— Я бы не сказала, что я себя ограничиваю. Все вольны идти туда, куда они хотят, и помогать друг другу совершенствоваться.

— Вольны? Лучше не разбрасывайся этим словом. Организация без ограничений — не организация вовсе. В конце концов, даже вы были всего лишь членом этой иерархии, да? Это так удручает. Я уже некоторое время провёл на этом острове с вами, но я всё равно не чувствую, что я стала более утончённой. В любом случае, я теряю своё время.

Они уставились друг на друга. Подобное поведение перед целой группой людей можно назвать ребяческим. Я был немного потрясён.

Горничные изо всех старались посредничать, но лицо Ирии-сан выражало чистый восторг, пока она наблюдала за спорящей парочкой, поэтому они в итоге перестали вмешиваться. Подобные ситуации были не по мне. Тем временем Яёи-сан также была равнодушна к происходящему, в то время как Маки-сан была совершенно не впечатлена этим, а Синья-сан, полагаю, воспринял весь спор как нечто обыденное. Удивительно, что никто не мог остановить их.

Хотя нет, был кто-то ещё.

Всего лишь один человек.

— Ибуки-сан, люди — стадные животные, в конце концов. Если тебе интересно моё мнение, то люди вроде тебя, ведущие себя как обездоленные и ожидающие особого отношения к себе,

должны переосмыслить свою жизнь, — сказал я.

— Полагаю, это означает, что ты не можешь действовать, будучи вне окружения других людей. Люди — не мигрирующие рыбы, видишь ли, да и я не жду особого отношения к себе. Я всего лишь не опускаю руки. Я живу честно и смотрю на вещи такими, какие они есть, — огрызнулась Канами.

— Хм, меня интересует...

— Интересует что? Ох, ещё больше общих вопросов. Ты думаешь, что выглядишь умно, вставая в амбициозную стойку и при этом отчётливо не обозначая своё мнение. Да, очень умно. «Меня интересует...» — сказала Канами.

— Это немного тяжело слушать.

Голос.

Это была Кунагиса.

Она надула губы, словно угрюмый ребёнок, и посмотрела на Канами-сан.

— Моим ушам больно от этого, Канами-тян, Аканэ-тян.

Она вмиг обратила внимание всех на себя. Никто не ожидал, что именно Кунагиса скажет это.

В прошлом я много общался с Кунагисой, поэтому для меня это не было за гранью мыслимого. Кунагиса Томо немного ненавидела сцены ссор между людьми. Учитывая её обычное беззаботное состояние, это могло быть немного неожиданным, но это всё же имело смысл. Она была девочкой, обожающей веселье, что означало, что ей не нравились невесёлые ситуации. Простая логика.

— Прошу прощения. Я погорячилась. — Что удивительно, именно Канами-сан извинилась первой. В свою очередь, Аканэ-сан не могла не признать, что Канами-сан тоже была известной уважаемой женщиной.

— Я тоже была права, — сказала она, неловко избегая зрительного контакта.

Они обе опустили головы и смотрели в пол. Хотя атмосфера всё ещё была явно неловкой, казалось, что курьёз удалось обойти.

До тех пор, пока Маки-сан не испортила всё с концами:

— Сначала всё станет хуже перед тем как всё станет лучше, — пробормотала она ледяным голосом и с дерзкой ухмылкой. Зачем эта прорицательница решила вмешаться сейчас, когда всё улеглось? Тем временем глаза блестели от восторга.

— Это предсказание? — спросила она. — Что ты имеешь ввиду, говоря, что до улучшения ситуации будет её ухудшение? Это ведь так увлекательно. Ты расскажешь нам?

— Нет. Я ничего не скажу. Ни за что. — Пока она говорила, она искоса посмотрела на Кунагису. — Я не настолько самонадеянная, чтобы вовлекать в это весь остальной мир.

— Что это должно значить? — возразил я без раздумий. Что касается Кунагисы, то она уже полностью сосредоточилась на еде. Похоже, для неё это было всего лишь обычная

неприятность. — Маки-сан, что ты подразумеваешь под этим?

— В этом нет никакого значения. Как и в твоих действиях. Ух ты, то есть ты из тех парней, кто сможет разозлиться из-за незнакомца? Это не очень хорошо. Само по себе это не плохо, но и не хорошо.

— Боже мой, почему же? — сказала Ирия-сан, вступая в обсуждение. Или, наверно, именно я был где-то в стороне. — Я считаю, что это прекрасно — быть способным разозлиться из-за незнакомца. В наши дни это встречается не так уж и часто.

— Потому что люди, способные проявлять свои эмоции ради других, являются теми же людьми, которые обвиняют во всём других, когда что-то идёт не так. Я осуждаю таких, как ты.

Это был, наверно, первый раз за долгое время, когда мне что-то высказали в лицо так резко. Постепенно она перевела свой сверкающий взгляд на мои глаза.

— Ты всего лишь позволяешь другим людям тащить себя. Ты из тех, кто не обращает внимание на светофоры просто потому, что так делают все остальные. Ты отвратительная подделка под человека. Они часто говорят: «Будь в гармонии со всеми, не соглашайся,» — но в твоём случае, молодой человек, ты скорее соглашаешься, будучи не в гармонии со всеми. Не скажу, что это плохо. Я ничего по этому поводу не скажу. Личность и значимость человека не всегда связаны между собой. Поезд, который едет по путям, лучше, чем поезд, который не делает этого. Повторюсь, по этому поводу я ничего не скажу. Но я ненавижу людей вроде тебя. Я осуждаю их. Такие, как ты, всегда винят во всём других, не признавая, что они тоже ответственны за произошедшее.

Просто шёл по течению.

Стоит отметить, что именно так я и жил.

Однако...

— Я не помню...

Я это ненавидел.

Встретив Кунагису, я испытал полное отвращение к этому.

— Я не помню, чтобы ты говорила мне это, Химена Маки-сан.

— О, так ты зол? Ой, твоя точка кипения гораздо ниже, чем мне казалось. Неужто у тебя постоянно меняется настроение?

— Ии...

Сожри меня.

Иди к чёрту.

Иди к чёрту, иди к чёрту иди к чёрту...

Иди к чёрту, сука...

— Ии-тян.

Я почувствовал, как кто-то тянет меня.

Кунагиса дёрнула меня за рукав.

— Тебе не стоит злиться из-за этого.

Кунагиса Томо.

— Хорошо.

Я ощутил, как по моему телу прошёл холодок. Энергия вышла из него. Ощущения были хуже простой усталости, ближе к истощению. Я опустил на стул.

— Прости. Я всего лишь шутила, лады? — сказала Маки-сан Кунагисе, улыбаясь чересчур мило.

Ужин в тот день прошёл ужасно. Конечно, предыдущие два дня так же не прошли без заминок, но интеллект этого мастера на все руки, видимо, что-то да уничтожил. Предстоящий визит Айкавы-сан на остров превращался в нечто страшное. Конечно, меня уже не будет здесь, когда это произойдёт, поэтому я не имел к этому особого отношения.

Тем не менее, я вообще не понимал, почему Маки-сан так вцепилась в меня. Я определённо произвёл не самое приятное первое впечатление на неё, но именно это не могло уже быть единственной причиной произошедшего. Было очевидно, что она ненавидела меня, но этого было явно недостаточно, чтобы так агрессивно бросаться на меня.

Противоположность симпатии — не неприязнь, а безразличие. Если бы я ней просто не нравился, то она бы не стала заходить настолько далеко, чтобы придраться ко мне. Зачем Химена Маки избрала бы для этого скучного, обычного человека вроде меня из всей группы выдающихся людей? Между нами не было ничего общего.

Это было странно.

Обдумывая эту тему, я вообще не задумывался над пророчеством Маки-сан об «ухудшении положения». Если бы я подумал немного об этом, то вряд ли что-то изменилось бы, но, оглядываясь назад, не могу не сожалеть об этом немного.

Хотя, думаю, я ничего не мог с этим поделать.

В конце концов, только Маки-сан могла сожалеть о чём-то до того, как это произойдёт.